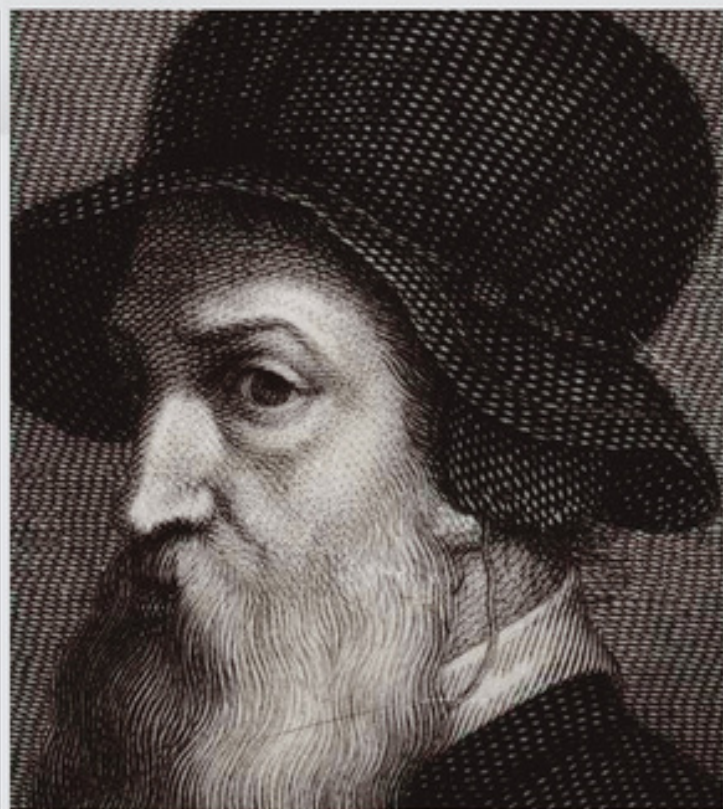

БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ

НИНА СОРОТОКИНА

В ЕЛИКИЕ
И СТОРИЧЕСКИЕ
П ЕРСОНЫ

Великие исторические персоны

Нина Соротокина
Бенвенуто Челлини

«ВЕЧЕ»

2011

Соротокина Н. М.

Бенвенуто Челлини / Н. М. Соротокина — «ВЕЧЕ»,
2011 — (Великие исторические персоны)

ISBN 978-5-9533-5165-2

Челлини родился в 1500 году, в самом начале века называемого чинквеченто. Он был гениальным ювелиром, талантливым скульптором, хорошим музыкантом, отважным воином. И еще он оставил после себя книгу, автобиографические записки, о значении которых спорят в мировой литературе по сей день. Но наше издание о жизни и творчестве Челлини – не просто краткий пересказ его мемуаров. Человек неотделим от времени, в котором он живет. Поэтому на страницах этой книги оживают бурные и фантастические события XVI века, который был трагическим, противоречивым и жестоким. Внутренние и внешние войны, свободомыслие и инквизиция, высокие идеалы и глубокое падение нравов. И над всем этим гениальные, дивные работы, оставленные нам в наследство живописцами, литераторами, философами, скульпторами и архитекторами – современниками Челлини. С кем-то он дружил, кого-то любил, а кого-то мучительно ненавидел, будучи таким же противоречивым, как и его век.

ISBN 978-5-9533-5165-2

© Соротокина Н. М., 2011

© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

Предисловие	5
Часть I. Предки	7
Несколько слов об истории Флоренции	8
Отец	12
Мать	13
Знаки на пути	14
Ах, эта музыка!	16
Шутки молодости	18
Медичи на папском престоле	21
Папа Лев X	21
Папа Климент VII	21
Часть II. Католицизм и папство	23
Рим	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Нина Соротокина

Бенвенуто Челлини

Предисловие

Челлини родился в 1500 году, в самом начале века, называемого в культурном мире чинквеченто. Он был гениальным ювелиром, талантливым скульптором, хорошим музыкантом, отважным воином и плохим поэтом. И еще он оставил после себя книгу, автобиографические записки, о значении которых спорят в мировой литературе по сей день. Книга называется «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции».

Что это – придуманный роман или подлинная история нашего героя? Мюнхгаузен, как известно, «самый правдивый человек на земле». А не примерил ли Челлини на себя его одежды, опередив «самого правдивого» на двести с лишком лет? Иные серьезные исследователи творчества Челлини утверждают, что он не только с чистой душой преувеличивает свои подвиги, но попросту врет. Беда в том, что от работ Челлини мало что осталось. Со скульптурой ему повезло больше – знаменитый Персей, Нимфа и мраморное распятие, конечно, бюсты Козимо I и Биндо Альтовити, а из ювелирных изделий вообще сохранилась одна солонка. Еще дошли до нашего времени его медали, выбитые им монеты, оттиски печатей, но бесчисленные работы из золота и драгоценных камней погибли, и не от руки варваров. Сами хозяева изделий, папы и герцоги, приказывали в трудные времена выковыривать камни, а металл пускать в переплавку. Иногда работы Челлини уничтожались в угоду моде, словом, о качестве их мы можем судить только по его собственным описаниям. Но зато как ярко, вкусно и образно Челлини их описывает! Сейчас появились высказывания: не сочини-де Челлини своего бытописания, ему вообще не нашлось бы достойного места в Высоком Возрождении, о нем попросту бы забыли рядом с такими титанами, как Микеланджело и Донателло. Это не так. М.Л. Лозинский: «... целая эпоха в истории прикладных художеств, эпоха их исключительного расцвета – справедливо или нет, это уже другой вопрос – названа челлиневской». Современники ценили Бенвенуто как замечательного ювелира, кто-то говорил, что он лучший модельер своего времени, ценили его Персея, правда, иные добавляли, что «таких скульпторов было много». Вазари считал Персея достойным соперником Юдифи Донателло. Вот только писателем Челлини никто не называл, но именно своей прозой он застолбил себе место, теперь в XVI веке в Италии, и не только в ней, без него просто не обойдешься.

Челлини не вел дневников. Книгу он начал писать в пятьдесят восемь лет, рукой он не сам водил, а надиктовывал секретарю, четырнадцатилетнему мальчику, только конец рукописи написан его рукой. Были списки с рукописи, а потом неведомым образом сама рукопись в XVII веке пропала и была обнаружена только в 1805-м в книжной лавке во Флоренции. Драгоценную рукопись тут же передали в библиотеку Лауренцина. Там она и хранится по сей день.

«... я старался не говорить ничего такого, чтобы мне памятью идти на ощупь, а говорил чистую правду», – сообщает читателю Челлини. Он иногда путает даты, при этом не делает попыток их уточнить, но память у него цепкая, она удерживает необозримое количество имен, всем этим людям он дает характеристики, и все эти люди интересны автору потому, что они имеют прямое или косвенное отношение к искусству. Н. Томашевский: «Книга Челлини совершенно особенная. Она и в ряду художественных сочинений автобиографического жанра, начавших появляться в предшествующем веке, и резко от них отличается. Это книга не столько о повседневной жизни художника, сколько об облике творца, подвластного одной лишь артистической своей сути».

Посмертная судьба книги была трудной. Рукопись валялась в каких-то ящиках, потом чудом нашла издателя и была впервые опубликована в 1728 году в Неаполе и сразу была замечена. Знаменитый критик XVIII века Джузеппе Баретти написал о ней: «На нашем языке нет книги, которую было бы так приятно читать, как “Жизнь” Бенвенуто Челлини, написанную им самим на чистом и беспримесном наречии флорентийского простонародья». И прибавляет: «Удовольствие, ею доставляемое, мне, кажется, немного сродни тому, которое мы испытываем перед клеткой с красивыми, но разъяренными зверями. Мы можем глядеть на них совершенно безопасно: их страшные когти и клыки не могут нас ни задеть, ни поранить». Когда Баретти говорит о клыках, он имеет в виду отчаянный, взрывной характер Челлини. Этот ювелир и скульптор не расставался с оружием, жилетом его часто была кольчуга. Он ввязывался в драку не раздумывая, защищая честь и справедливость (добавим – так, как он ее понимал).

Потом появились переводы – в 1771 году в Англии, в 1803-м – в Германии в переводе не «абы кого», а Гете. Шиллер был в восторге от «Жизни...» Челлини. Надо сказать, что первые издания книги были неполными и некачественными, использовались плохие списки, но в 1829 году книга выходит во Флоренции по оригинальному тексту рукописи. Во Франции горячим поклонником Челлини становится Стендаль, он сам сознается, что «Жизнь Бенвенуто...» оказала влияние на его творчество.

В России «Жизнь Бенвенуто...» была издана в 1848 году, это был перевод с французского языка, конечно, текст сильно разнился с подлинником. А только в 1931 году у нас выходит полноценный перевод с оригинала, выполненный блестящим переводчиком М.Л. Лозинским. Сейчас «Жизнь Бенвенуто...» признается всеми шедевром литературы Возрождения. «Книга и человек друг друга стоят», – написал в своем эссе о Челлини А.К. Дживелегов. Кто бы в России ни писал о Бенвенуто Челлини, все первым делом ссылаются на Дживелегова: армянин, советский ученый, один из лучших у нас специалистов по Возрождению, человек глубокого ума и ясного слова. Диву даешься, как он умудрялся в своих работах обходиться без цитат из Маркса—Ленина—Сталина и сохранять живой язык. Советское искусствоведение пользовалось своим, казенным словом, главное, чтобы читать было скучно. Я еще не раз буду цитировать Дживелегова.

Моя книга о жизни и творчестве Челлини не просто краткий пересказ его «Жизни Бенвенуто...», хотя и в этом я не вижу ничего плохого. Есть замечательные адаптации, скажем, «Дон Кихота» или «Моби Дика», правда, они предназначены для детей, но сейчас и взрослые мало читают. И надо помнить, что Челлини писал не только о бурных и фантастических событиях XVI века. Для нас в первую очередь кватроченто и чинквеченто – это понятия гуманизма и дивные работы, оставленные нам в наследство живописцами, литераторами, философами, скульпторами и архитекторами. Век этот был трагическим, противоречивым и жестоким. Войны, раздоры внутренние и внешние, свободомыслие, а рядом инквизиция, циничное правление католических пап и возникновение лютеранства, высокие идеалы и глубокое падение нравов. Папа-воин Юлий II и двор папы Александра VI, славившийся изысканным развратом. А великий утопист, фанатик и мученик Савонарола, при котором «королем» Флоренции голосованием выбрали Иисуса Христа! Савонаролу сожгли за два года до рождения Челлини.

Конечно, моя «адаптация» ни в какое сравнение не идет с подлинником. Я не хочу, как пишет М. Веллер, «ставить в тени великого свою раскладушку», но если у кого-то возникнет желание прочитать «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции», я буду считать мою задачу выполненной.

Часть I. Предки

Имя Бенвенуто переводится как Желанный. Так оно и было, его любили родители, родственники, у него было много врагов, но не меньше друзей. Начинает Челлини свое бытописание такими словами: «Все люди всяческого рода, которые сделали что-либо доблестное или похожее на доблесть, должны бы, если они правдивы и честны, своею собственной рукой описать свою жизнь; но не следует начинать столь благого предприятия прежде, нежели минет сорок лет». Описание жизни, как и должно, Бенвенуто начинает с родителей. Отец – Джованни, дед – Андре. Прадед Кристофано Челлини. Матушка – «мадонна Элизабетта, дочь Стефано Граначчи». Челлини подчеркивает – все достойные флорентийские граждане, но ему мало помнить прадеда, ему нужны стародавние предки, и он с головой ныряет в историю полуторатысячелетней давности.

Флоренцию (город цветов) основал Юлий Цезарь. У Цезаря был храбрый и достойный военачальник Фиорино из Челлини (Челлини – название замка). Бенвенуто не только нашел мифологического предка, он замечательно обыграл его имя. Дальше он мимоходом сообщает о «больших вельможах Челлини, живущих в Равенне, имеются они и в Пизе, и во многих государствах христианского мира». Искусствоведы ухмыляются в усы – мало ли Челлини в мире? А.К. Дживелегов пишет: «Бенвенуто серьезно верит, что какие-то особенные явления провиденциально указывали в разные моменты его жизни на то, что он человек избранный. Начать с того, что – он этого прямо не говорит, но представляет читателю догадаться самому – его предком был “храбрый первый полководец Юлия Цезаря по имени Фиорино де Челлино”, основавший Флоренцию». А мне кажется, что в этом наивном утверждении есть одно искреннее желание – прославить свой род и себя заодно, как если бы кто-то с гордостью писал: да, я Иванов, на Ивановых русская земля держится. Челлини пишет: «Я горжусь тем, что восхожу к доблестным “людям”», ну и бог с ним, в конце концов. Мы все произошли от Адама и Евы, но честность Бенвенуто берет верх, и он добавляет: «...причем я гораздо больше горжусь тем, что, родясь простым, положил своему дому некоторое почтенное начало, чем если бы я был рожден от высокого рода и лживыми качествами запятнал его имя или очернил». Фраза эта очень характерна для людей Возрождения, в ней весь смысл того, что называли в XVI веке гуманизмом. На эту тему мы еще поговорим позднее.

Несколько слов об истории Флоренции

Прежде чем начать рассказ о родителях Бенвенуто, его рождении и жизни, я должна привести за руку читателя в его эпоху. Русский читатель вполне легко поймет, о чем идет речь, когда называют имена Ивана III Великого, супруги его Софьи Палеолог, внука ее Ивана Грозного или преподобного Сергия Радонежского, но, боюсь, ему мало что скажут имена Лоренцо Великолепного, папы Александра VI Борджиа, папы Клементя VII, Франциска I, короля французского, и так далее. А ведь это все были заказчики гениев Возрождения. Так что же это за удивительный город – Флоренция, который в Европе называют «яйцом нового мира»?

В кратком изложении истории Флоренции здесь не будет никаких исторических изысков. Я не историк и не искусствовед, я писатель. Главные мои источники – это энциклопедия и «История Флоренции» Макиавелли. Начнем, как говорится, от печки. В римскую эпоху Флоренция процветала, богатая своими ремеслами. Падение благосостояния, как и всей Италии, случилось при нашествии варваров в V и VI веках. При Карле Великом (VIII век) Флоренция вошла в состав Тосканского государства. В 962 году император Оттон I Саксонский был коронован в Риме, и Флоренция вошла в состав Великой Римской империи. (Для ориентира – у нас в это время Киевской Русью правил Святослав, сын Ольги Мудрой.) Император был далеко, и власть во Флоренции фактически приобрели епископы и папа. Естественно, в городе начались распри между сторонниками папы – их называли гвельфами – и приверженцами империи – гибеллинами, к последним в основном принадлежали рыцарство и богатые землевладельцы. В правление знаменитой графини Матильды (1046—1115) город поддерживал папство. После смерти Матильды город юридически перешел под суверенитет Римской церкви.

Каждый, рассказывая о средневековой истории Флоренции, произносит слово «коммуна». В результате упорной борьбы коммуна добилась получения некоей грамоты – бумаги, защищающей ее права от посягательства синьоров. Община состояла из коллегий, или цехов. Свои коллегии имели суконщики (их называли купцами), производители шелковых тканей, менялы и ростовщики (предтечи банкиров), врачи и аптекари, скорняки и меховщики, судьи и нотариусы (то есть юристы) и т. д.

А где рыцарство, дворянство? Они оставили свои замки и живут тут же в городе, они составляют ядро армии и, конечно, претендуют на судебную-административную власть. Флоренция гордо называла себя республикой, правда, правила там не конституция, а традиция. Во главе города стоит «совет», что-то вроде сената. Война гвельфов и гибеллинов не утихает.

К XII веку все эти коллегии были полностью оформлены. Власть в городе склоняется в сторону цехов, дворянство вынуждено уступить свою власть буржуазии. Высшим, как бы сказали сейчас, исполнительным органом власти были приоры. Приоры выбирались по одному от цехов, все они принадлежали к разным семьям. Приоры жили отдельно во дворце, который не имели права покидать, так же не имели права никого принимать у себя, кроме служебных лиц. Вначале приоров выбирали на два месяца, потом на более длинные сроки. Данте был приором от цеха врачей и аптекарей (записался в цех, чтобы быть избранным). Приорам принадлежала судебная, дипломатическая и политическая власть. Закон обещал защиту приорам после отставки, но, судя по судьбе Данте, видно, что это не так. Данте принадлежал к партии гвельфов. После очередного их поражения он был изгнан, заплатил штраф и получил запрет являться в родной город под угрозой казни – сожжения на костре.

Законодательная власть принадлежала Советам коммуны и народа. Они выдвигали из своей среды руководителей муниципалитета. В 1250 году была введена должность капитана народа для ограничений власти подеста. Новые правители получили наименование синьоров, а главное учреждение – название Синьории. В 1293 году вводится новая должность главы Совета

приоров. Она носит пышное название «знаменосца правосудия», или «гонфалоньера справедливости». Гонфалоньер выбирается «народом из народа» сроком на один год.

Макиавелли пишет: «Никогда город наш не был в лучшем и более счастливом состоянии, чем в те времена, ибо никогда он не достигал такой многочисленности, богатства и славы. Граждан, способных носить оружие, в городе было не менее тридцати тысяч человек, а в подвластных ему областях – не менее семидесяти тысяч. Вся Тоскана подчинялась Флоренции – все там были ее подданными или ее союзниками». Коллегии и аристократия примирились на время, но это был хрупкий мир. Люди были вооружены, настроены воинственно, дня не проходило, чтобы кто-нибудь не был убит. Ожесточенная борьба между сторонниками гвельфов и гибеллинов выходила на улицы. Дело кончалось стычками со смертельным исходом, а потом высылкой неугодных за пределы города.

Внутренние склоки разъедали городской быт, но и этого мало: Флоренция постоянно воевала. Она воевала с Пизой, Сиеной, Арецци, Лукой и т. д. Зримые экономические успехи требовали рынка сбыта, и Флоренция оружием пробивала пути для своих товаров и денег. Война была сложной, иногда катастрофической, чаще героической и всегда очень жестокой. Красно-белое флорентийское знамя с лилией, символом города, реяло над всей Италией. В XIV веке новые беды свалились на Флоренцию – и чума была, и народные восстания.

В эпоху Возрождения было особое отношение к сильной личности, ей доверяли. Именно так пришел к власти Козимо Медичи, прозванный Старым. Это случилось в 1434 году. Конечно, сила Медичи была прежде всего в его огромном богатстве, он был банкиром всей Европы, при этом обладал талантом государственного правителя. Враги недаром называли его «хитрой и лукавой лисой». Козимо Старый, фактически правя городом, не вылезал на первый план, номинально Флоренция оставалась республикой. Так скромно, спокойно, не имея никаких титулов, своего двора и защитницы-гвардии, покровительствуя торговле, ремеслу, литературе и искусству, гражданин Козимо Медичи правил городом до самой смерти – 1464 года. Флорентийцы с легкостью продали свою гражданскую свободу за стабильность, за справедливое налоговое обложение (богатые платили в восемь раз большую долю от доходов, чем бедняки). Козимо Старый стал родоначальником династии правителей Флоренции – Медичи.

После смерти Козимо Старого власть перешла к его сыну Пьеро. Правителей под этим именем много, но ввиду полной незначительности их даже не обозначали цифрой – не запутаетесь. Этот Пьеро не был достойным государем, он правил пять лет и оставил двух сыновей – Лоренцо и Джулиано. К ним и перешла власть после смерти отца, но в 1478 году Джулиано был зверски убит заговорщиками из семейства Пацци. Джулиано был любимцем города. Это был красавец, воин и рыцарь. Его возлюбленной была гордость Флоренции – красавица Симонетта Виспуччи, в девичестве Каттанео. Все, кто любит полотна Сандро Боттичелли, отлично ее знают. Купеческая дочь из Генуи, она стала на его полотнах Венерой, Флорой, Мадонной. На картине «Марс и Венера» Джулиано Медичи выступает в роли Марса. И вот он убит, зарезан в церкви.

Об этом убийстве подробно рассказывает Николло Макиавелли в своей «Истории Флоренции»: «Пацци обсуждалось много вариантов убийства, главное – надо было застать двух братьев вместе. Наконец все сошлось так, как желали заговорщики». Местом убийства был назначен собор Санта-Репарата, на службу должен был прийти кардинал Санзони, братья Медичи непременно должны были быть в церкви. Франческо Пацци и Бернардо Бандини должны были убить Джулиано, расправиться с Лоренцо было поручено Джованну Баттиста. Но Баттиста отказался, он не совершит святотатства – убийства в церкви. Времени было в обрез, и покончить с Лоренцо было поручено мессеру де Вольтера и священнику Стефано. Ничего не скажешь – подходящее занятие для священника!

Лоренцо Медичи вовремя явился к службе, а Джулиано задерживался. Тогда Франческо и Бернардо отправились к нему домой и уговорили его идти на службу. «... они всю дорогу,

а затем уже в храме забавляли его всякими остротами и шуточками, которые в ходу у молодежи». Обнимая «дружески», они ощупали Джулиано, искали оружие. Макиавелли удивляется их самообладанию, их «твердости и непреклонности», но нигде не употребляет слова «подлость».

В церкви было полно народу. В толпе, на глазах у всех, Джулиано нанесли огромное количество ударов кинжалом, потом били уже по мертвому. Мессер и священник действовали бестолково – ранили, но не убили. Лоренцо стал защищаться, на помощь ему пришли друзья. Убийцы бросились вон из церкви, но толпа настигла их и растерзала.

В своем эссе о Макиавелли А.К. Дживелегов пишет: «В 1478 году девятилетним мальчуганом Николло видел, как обезумевший народ гонялся по улицам за членами семьи Пацци и их сторонниками, как висели в окнах Дворца Синьории архиепископ Сальвиати в лиловой рясе, Франческо Пацци, совсем голый, с окровавленной ногой, и трое Якопо: два Сальвиати, родственника архиепископа, и один Браччолини, сын Поджио. Четвертый Якопо, Пацци, повешенный тоже два дня спустя и похороненный в Санта-Кроче, был удален из церкви и закопан где-то под стенами. Его вырыли из второй могилы, и мальчишки, захлестнув труп за шею, волокли его по городу, подтащили к собственному его дому, громко крича, чтоб отворили хозяину. Потом бросили в Арно». И все это в наш обожаемый век кватроченто, в нашей обожаемой средневековой Италии. Все не так просто, господа! Я остановилась подробно на этом роковом дне, потому что сын убитого Джулиано – Джулио Медичи, ему не было и года, будет в свое время под именем папы Климента VII тесно связан с Бенвенуто Челлини.

После подавления заговора Пацци Лоренцо, прозванный Великолепным, стал единовластным правителем Флоренции. Лоренцо был блестяще образован, меценатствовал, сам писал стихи, собрал при своем дворе лучшие умы Италии – писателей и философов-гуманистов. А какие художники на него работали! Жизнь была бесконечным праздником: турниры, карнавалы, концерты, Сандро Боттичелли не только писал дивные полотна, но и был организатором народных гуляний. В церкви Санта-Мария Новелла несравненный Гирландайо писал свои фрески. Как счастливо и разумно живут на этих фресках флорентийцы! Время Лоренцо Великолепного было самым блестящим в истории Флоренции, но он был тиран, республика при нем осталась только в памяти людей и «в льстивых панегириках, расточаемых Лоренцо гуманистами», а уже выросла почка, из которой со временем расцвел сорняк, он и заглушил все, и наступил «упадок».

Своей расточительностью Лоренцо Медичи совершенно расстроил городскую казну, да и собственное богатство, завещанное отцом, сильно преуменьшил. Он не обладал талантами делового человека. Макиавелли пишет: «В делах торговых он (Лоренцо Великолепный) был очень несчастлив, ибо из-за недобросовестных служащих, которые управляли его делами не как честные люди, а как владетельные особы, во многих местах он понес значительные потери». У нас в России это называется коротко: «Крадут!»

Лоренцо Великолепный умер в 1492 году, его место занял сын Пьеро, прозванный Несчастливым, одежды отца ему были явно не по размеру. Этот Медичи скоро надоел горожанам. Флорентийцы вспомнили забытое слово «республика» и решили вернуть ее с помощью французских войск. Собственно, с этого 1494 года и начались на Апеннинском полуострове длительные Итальянские войны. Король Карл VIII, под предлогом «возвращения Франции Анжуйского наследства», шел на Неаполь, по дороге заглянул во Флоренцию. Несчастный Пьеро и его братья – Джованни и Джулио (будущие папы) – были объявлены врагами республики и изгнаны. В 1503 году Несчастный утонул, а Джованни и Джулио, уже с испанскими войсками, в 1512 году вернулись во Флоренцию и вновь обрели власть.

Но это все потом, а пока Флоренции диктует свои законы доминиканский монах Джираломо Савонарола. Он был честным человеком, фанатиком, всей душой преданный идее христианства, недаром с его подачи «королем» Флоренции голосованием был выбран Иисус

Христос. Савонарола хотел провести церковную реформу, от города он требовал высокого аскетизма в быту и культуре. В костер летели полотна Боттичелли, рукописи гуманистов. Папа Александр VI люто ненавидел Савонаролу за призывы к реформе, за обличительные речи против его побочного сына Чезаре Борджиа (имя это стало в Италии синонимом злодейства). Флоренции вскоре надоели инквизиция, костры и аскеза. В 1498 году Савонарола был судим, пытан, повешен, труп его сожгли, а прах бросили в Арно.

Во Флоренции воцарилась республика. Теперь главным человеком в городе стал «пожизненный» гонфалоньер (раньше выбирали на два года) Пьеро Содерини, толковый, здравомыслящий человек. Правой рукой его стал Николло Макиавелли, секретарь в канцелярии Дворца Синьории. Макиавелли ведал делами военными и дипломатическими. Вот мы и добрались до времени, когда Бенвенуто Челлини появился на свет.

Отец

Челлини пишет, что предки его имели «великое множество владений». Очевидно, это было мелкопоместное дворянство, люди ратные и небогатые. Случилось, что один из сыновей Челлини – Кристофано (прадед нашего героя) – повздорил с молодым человеком из соседней семьи. Причина ссоры была неизвестна, но стала серьезной и могла перейти в кровную вражду. Умные родители решили удалить двух скандалистов от греха подальше: соседского сына отправили в Сиену, а Кристофано во Флоренцию. Последнего не бросили на произвол судьбы, а купили ему «домик» на Виа Кьяра и еще, видимо, землицы прикупили.

Кристофано зажил городской жизнью, имел семью и детей. После его смерти дом на Виа Кьяра достался Андреа. Дед Бенвенуто стал архитектором. Профессия эта пользовалась большим спросом, поэтому семья его жила безбедно. У Андреа было четверо сыновей. Третий сын, Джованни, был одаренным ребенком. Он хорошо рисовал, очень увлекался музыкой. Со временем он стал тем, кого в Средневековье называли инженером – мастером на все руки. Он делал машины для наведения мостов, снаряды для валяльных машин, а при этом изготавливал большой красоты и качества музыкальные инструменты: виолы, арфы, флейты и даже органы.

Музыку Джованни любил самозабвенно, флейтой владел виртуозно и потому был приглашен во Дворец Синьории выступать вместе с оркестром. Лоренцо Медичи его очень отличал. С флейтой Джованни забросил все свои инженерные дела, правителю это не понравилось, и Лоренцо велел убрать Челлини из оркестра.

Джованни смертельно обиделся, и чтобы подтвердить свой талант, он из простой слоновой кости сделал зеркало размером около метра. «Зеркало имело вид колеса; посередине было зеркало; вокруг было семь кругов, в каковых были вырезаны и выложены слоновой черной костью семь добродетелей и все зеркало, а также и сказанные Добродетели находились в равновесии; так что если вращать сказанное колесо, то все Добродетели двигались: а в ногах у них был противовес, который держал их стоймя. А так как он (Джованни) имел некоторые познания в латинском языке, то вокруг сказанного зеркала он сделал латинский стих, который гласил: “В какую бы сторону ни вращалось колесо Фортуны, Добродетель стоит твердо”».

Потом Джованни вернули в оркестр. Вот таким человеком был отец Бенвенуто.

Мать

Соседом семейства Челлини был некий Стефано Граначчи, у которого было пять дочерей и пятеро сыновей. Все дочери были красавицы, Джованни приглянулась Элизабетта. О браке родители сговорились быстро, но дело застопорилось, когда стали обсуждать количество приданого. Андреа Челлини говорил:

– У меня такой сын, что я могу рассчитывать на самое большое приданое, которое дают за невестой люди нашего звания.

Граначчи разумно возражал:

– Все это так. Но у меня пять дочерей, и всех я должен выдать замуж. Где я возьму столько денег?

Препирались долго. Дело решил сам Джованни:

– Я люблю эту девушку. И если я столь хорош, как ты, отец, утверждаешь, то неужели я не смогу сам содержать свою семью без всякого приданого?

На этом спор и окончился. Джованни и Элизабетта поженились и «услаждались своей молодостью и своей святой любовью восемнадцать лет». Одна беда – детей не было. Потом Элизабетта забеременела, но выкинула двух младенцев – оба мальчики. Третья беременность протекала нормально, но родилась девочка, назвали Никколоза, уменьшительно Коза. Через два года Элизабетта опять на сносях. По всем признакам на свет должна была опять появиться девочка, ей даже имя придумали. 3 ноября 1500 года в День Всех Святых Элизабетта неожиданно для всех родила младенца мужского пола. «Сложив престарелые ладони (отцу, надо полагать, еще и пятидесяти не было. – *Авт.*), он поднял вместе с ними очи к Богу и сказал: “Господи, благодарю Тебя от всего сердца; этот мне очень дорог, и пусть он будет Желанным”». «Так я и живу с помощью Божьей», – добавляет Бенвенуто Челлини.

Знаки на пути

Есть такое выражение – «знаки на пути» (не путать с дорожными знаками), оно имеет философский и мистический смысл. Это некие события, картины, люди, которые посланы судьбой как указатель, призыв к правильному поведению в жизни. Главное – эти знаки увидеть и запомнить. Правда, можно их еще придумать, но это особый разговор. Бенвенуто совершенно искренне уверен, что два происшествия в его раннем детстве были знаковыми. Первое называется «скорпион». В доме меняли трубу для водостока. Из нее вывалился огромный скорпион и уполз под лавку. Трехлетний Бенвенуто успел схватить насекомое и с криком: «Смотрите, какой у меня красивый рак!» – подбежал к деду. Старый Андреа пришел в ужас, укус скорпиона считался смертельным. Дед хотел отнять скорпиона у мальчика, но никакие уговоры и приказы не действовали. На крик прибежал отец. Он тут же оценил ситуацию. Весело, словно играя, он отстриг ножницами у скорпиона клешни и хвост, торчащие из кулачка Бенвенуто. Мальчик был спасен.

Второй случай называется «саламандра». Печь, дубовые дрова разгорелись ярко. Джованни сидит с виолой, поет и смотрит на огонь. Вдруг он увидел «маленького зверька, вроде ящерицы, который резвился в этом наиболее сильном пламени». Джованни тут же позвал детей: смотрите! А Бенвенуто при этом дал затрещину. Пятилетний мальчик от неожиданности расплакался, но отец тут же обнял его и сказал:

– Сынок, я бью тебя не потому, что ты сделал что-то дурное. Но я хочу, чтобы ты запомнил, что эта ящерица в огне – саламандра, «каковую еще никто не видел из тех, о ком доподлинно известно».

Отец понимает, это – знак. У Бенвенуто был хороший слух, отменный голос, и Джованни решил сделать из сына великого музыканта. Мальчику вручили флейту и начали учить петь и играть по нотам. Он делал успехи, и честолюбивый отец уверился в правильности своего выбора: Бенвенуто станет лучшим «игрецом» в мире!

Когда в правительство Флоренции пришел «великолепный Пьеро Содерини», Джованни Челлини уже вернули в оркестр. Там пожизненный гонфалоньер с ним и познакомился. Позднее, узнав об инженерных талантах Челлини, он не раз использовал его в «самоважнейших делах». Джованни показал свое инженерное искусство во всем блеске, а для услаждения души Содерини продолжал играть на флейте. Часто отец брал с собой маленького сына. Бенвенуто сидел на плечах у служки, пел сопрано вместе с дворцовыми музыкантами, а потом играл. Содерини нравился бойкий и талантливый мальчик.

– Маэстро Джованни, научи сына, помимо пения, и другим твоим искусствам.

Но Джованни стоял твердо: нет, пусть мальчик не растрачивает себя на пустяки, только играть, петь, ну и разве что сочинять стихи. Ко всему этому надо добавить, что Бенвенуто ненавидел флейту. «Это казалось мне искусством гораздо более низким, чем то, которое было у меня в душе». Ладно, он согласен убажать отца и играть на опостылевшей флейте, но позвольте ему уделять время и рисованию!

Флоренция жила искусством. Из Милана вернулся Леонардо да Винчи и был восторженно встречен народом. У всех на устах было имя молодого скульптора Микеланджело Буонарроти. Он сделал мраморного Давида, его стали называть гением. Когда прекрасного гиганта устанавливали на площади Синьории, смотреть на него собрался весь город, в честь столь знаменательного события звонили колокола. Пятилетний Бенвенуто мог быть в толпе с отцом и тоже смотреть на прекрасного Давида и слышать рукоплескания. О такой судьбе мечтает Бенвенуто и при чем здесь флейта?

Избавление пришло неожиданно. Как всегда в жизни Бенвенуто, в решение его проблем вмешались высшие силы. В 1512 году Медичи – братья Джованни и Джулиано – с помощью

испанских войск захватили власть во Флоренции. Джованни был сыном Лоренцо, Джулиано побочным сыном убитого при заговоре Пацци брата Лоренцо Джулиано. Оба брата были кардиналами.

Бенвенуто, равно как и его отец, всегда хорошо относился к Медичи. В своей «Жизни...» он никогда не высказывает скорби по поводу павшей коммуны. «Тот герб, что был на дворце Медичи, пока они отсутствовали, с него были убраны шары, а на нем написали большой красный крест, каковой был гербом и эмблемой коммуны; так что, как только они вернулись, красный крест соскоблили и в сказанном щите поместили его красные шары и сделали золотое поле, устроив все очень красиво». Эти шары в гербе Медичи называли в городе «таблетками», намекая на древнюю профессию семьи Медичи – их предки были медиками.

Когда скончался папа Юлий II, старший Медичи, Джованни, поехал в Рим и был избран папой – Львом X. В иерархии католической церкви кардинал – это духовное лицо, следующее сразу после папы. Кардинал выше епископа. Кардинала назначает сам папа. При всем этом Джованни, будущий папа Лев X, стал кардиналом в четырнадцать лет. Так в России дворяне в XVIII веке записывали грудных сыновей в Преображенский полк, подрастет – и уже чин на руках. О папе Льве X Бенвенуто пишет, что он был «щедрый и великодушный», историки относятся к нему более строго.

С приходом Медичи власть во Флоренции поменялась, Содерини был изгнан. Теперь гонфалоньером был назначен Якопо Сальвиати. Он и лишил Джованни Челлини дворцовой должности музыканта. Теперь уже не до игры на флейте, отец уступил просьбам сына и отдал Бенвенуто в обучение весьма известному в городе ювелиру Микеланджело Биндини, сыну угольщика. Бенвенуто недолго у него задержался, отец затребовал сына назад, потому что скучал, потому что боялся, что с ювелирными делами Бенвенуто забросит флейту. О ювелире Биндини я пишу потому, что у него был сын Баччо. Этот Баччо со временем стал известным во Флоренции скульптором. Он поменял фамилию, стал Бандинелли, чтобы народ думал, что он принадлежит к богатейшей семье из Сиены. Этот Баччо стал потом лютым врагом Бенвенуто Челлини – запомните имя Бандинелли.

В пятнадцать лет Бенвенуто опять поступил в обучение к ювелиру. В Средние века юноши мужали рано, в пятнадцать лет ты уже взрослый, отвечающий за свои поступки человек. Учителей у него было много, первым он считает Антонио ди Сандро, по прозвищу Марконе. От каждого он брал лучшее, при этом неплохо зарабатывал и помогал семье и отцу. Джованни не оставил мысли сделать из сына музыканта, игра на флейте была обязательной, но иногда судьба помогала юноше вырваться на время из ласковых, но крепких и докучливых отцовских объятий.

У Бенвенуто был младший брат (разница в два года). Джовани Франческо, по прозвищу Чеккино, в свои четырнадцать лет был мальчишкой горячим и своенравным. И вот как-то поздним вечером он подрался на шпагах с таким же строптивым юнцом и даже успел легко ранить его в руку. Рядом находились родичи противника. В Чеккино полетели пращи, одна из них попала ему в голову, и мальчик «упал наземь, как мертвый». Рядом случайно проходил Бенвенуто, он тут же схватил шпагу брата и приготовился к обороне. Положения спасла городская стража. Дома Чеккино пришел в себя, но драка не осталась безнаказанной. Суд восьми выслал противников Чеккино на несколько лет за пределы Флоренции, пострадавшую сторону судили легче – братья должны были уехать за десять миль от города на полтора года.

Так Бенвенуто с братом очутились в Сиене. Здесь он опять учился ювелирному делу и уже работал самостоятельно. Вернуться в родной город Бенвенуто помог кардинал Медичи (будущий Климент VII).

Ах, эта музыка!

Как часто желания детей и родителей не совпадают! Если из Бенвенуто отец твердо решил сделать музыканта, то младшего сына он видел в будущем «великим ученым-законником». Чеккино засадили за латынь, а он мечтал об армии и даже тайком поступил на военную службу. Бенвенуто одобрил поступок брата, «который был прекрасного сложения и изящества и всецело склонен к ратному делу». Это не помешало Бенвенуто из-за сущей мелочи обидеться на брата, на отца и на весь белый свет и опять уйти из дома. Горячий был юноша, вначале делал, а потом думал.

Бенвенуто на «сбереженные от заработка деньги» справил себе новое платье – красивый камзол и плащ. Тут как раз Чеккино решил отметить поступление на службу, а приличной одежды нет. Сердобольные сестры нашли выход – обрядили его в камзол и плащ старшего брата. Бенвенуто вернулся после работы домой, не нашел ни своей одежды, ни брата и тут же закатил отцу сцену: я на вас работаю, а вы же меня и обираете. Добрый Джованни стал увещевать сына: надо-де делиться с ближним, и Господь воздаст тебе сторицей.

Ах так? Бенвенуто в чем был в великой обиде ушел из дома и пошел в прямом смысле «куда глаза глядят». Так он прошел ворота, очутился за городом, пришел в Луку, а оттуда в Пизу. Шел, наверное, всю ночь. В Пизе он дошел до Рыбного рынка. Рядом с рынком находилась лавка золотых дел мастера. Бенвенуто остановился посмотреть, как работает этот мастер. Слово за слово, ювелир понял, что юноша знает толк в его делах, и предложил ему кров и работу. Спустя малое время Бенвенуто написал отцу: мол, не волнуйся, все хорошо. Джованни тут же откликнулся. Он звал Бенвенуто домой, призывал совершенствоваться в игре на флейте. Припиской было трогательное напутствие в стихах:

В какой бы ни пришел ты дом,
Живи не кражей, а трудом.

Сколько их было в жизни Бенвенуто, таких взрывных, в секунду принятых решений! И по большей части выходило, что он был прав. Но кто в наше время в шестнадцать лет решится вот так, с рублем в кармане, уйти пешком из родительского дома в соседний город? В Пизе Бенвенуто «работал из золота и серебра красивые и значительные вещи». Отец писал часто, звал домой, где его ждала флейта. У Бенвенуто тут же пропадала охота возвращаться – «до того я ненавидел эту проклятую музыку». «Мне казалось, что я жил в раю целый год, когда жил в Пизе, где я никогда не играл».

Вернуться во Флоренцию Бенвенуто заставила болезнь, он схватил «во вредоносном воздухе Пизы» лихорадку. Два месяца провел в постели, грудь побаливала, но он играл отцу – что делать? Джованни был счастлив.

Выздоровев, Бенвенуто вернулся к ювелиру Марконе. Здесь он и повстречался с флорентийским скульптором Пьеро Торриджани. Многие годы тот служил при дворе Генриха VIII и теперь приехал в родной город, чтобы набрать молодых людей себе в помощь для работы на английского короля. Торриджани посмотрел рисунки Бенвенуто, и они ему понравились. На юношу при первом взгляде скульптор произвел сильное впечатление: красивый, с зычным голосом, свободными манерами, он казался отчаянно смелым человеком, похожим скорее на воина, чем на ваятеля.

Отрезвление пришло очень быстро. Рассматривая работы Бенвенуто, Торриджани обратил внимание на его копию с картона Микеланджело – «божественного», как пишет Бенвенуто. «Пожизненный гонфалоньер» Содерини заказал расписать две стены в большом зале Дворца Синьории двум великим – Леонардо и Микеланджело. Между ними устроили что-то вроде

соревнования, за которым следил весь город. Прежде чем писать фрески, необходимо было нанести рисунок на огромный картон.

Леонардо взялся изобразить на стене счастливую для Флоренции битву при Ангиари в июле 1440 года. «Изображали они, как Пиза была взята флорентийцами; и удивительный Леонардо да Винчи взял для выбора изобразить конный бой со взятием знамен, столь божественно сделанные, как только можно вообразить». А Микеланджело, желая изобразить битву при Кашине в июле 1364 года, выбрал почти бытовую сцену. Тема – самое начало боя, собственно, и боя еще нет, воины купаются в реке, и вдруг бьют тревогу. «... и эти нагие пехотинцы бегут к оружию, и с такими прекрасными телодвижениями, что никогда ни у древних, ни у других современных невидано произведения, которое достигло бы такой высокой точки». До изображения фресок дело не дошло, но картоны, над своим Микеланджело работал семь месяцев, остались. (Правда, до нашего времени они не дошли.)

И вот, глядя на копию Бенвенуто, Торриджани начал разглагольствовать о Микеланджело. Слова его звучали не только нагло и развязно, но и кощунственно. «Этот Буонарроти и я ходили мальчишками учиться в церковь дель Кармине, в капеллу Мазаччо; а так как у Буонарроти была привычка издеваться над всеми, кто рисовал, то как-то раз среди прочих, когда он мне надоел, я рассердился гораздо больше обычного и, стиснув руку, так сильно хватил его кулаком по носу, что почувствовал, как хрустнули у меня под кулаком эти кость и хрящ носовые, как если бы это была трубочка с битыми сливками; с этой метиной он останется, пока жив». Ни о какой поездке в Англию не могло быть и речи. Бенвенуто слышать не мог, как наглец «каждый день повествовал о своих подвигах у этих скотов англичан». Англичанам досталось уже потому, что они принимали у себя «этого мерзавца».

Еще несколько слов о Торриджани. Это был неуживчивый, с трудным характером человек. За увечье, нанесенное Микеланджело, он был выслан из Флоренции. После Англии он попал в Испанию, где его обвинили в кощунстве и посадили в тюрьму. Там он и умер спустя пять лет. Если бы не перебитый нос Микеланджело, имя Торриджани вообще бы затерялось в веках.

Шутки молодости

Бенvenuto очень много работал и учился. В это время он познакомился и подружился с милым юношей Франческо, они работали в одной мастерской. Франческо был сыном Филиппо и внуком фра Филиппо Липпи. Фра Филиппо – великий флорентийский художник, он принял монашеский сан, отсюда приставка «фра». Дед был гением, сын – хорошим художником, внук стал ювелиром. В то время ювелирное дело считали высоким искусством, а не ремеслом. Дом Франческо был полон работ отца, были там «изображения прекрасных римских древностей», иллюстрированные отцом книги. Бенvenuto полюбил эти работы на всю жизнь, у него развился вкус к антикам. Дом художника стал его университетом.

Дживелегов пишет: «В XVI веке, за немногими исключениями, художники малообразованны. У Бенvenuto – какие-то обрывки знаний: он успел их нахватать отовсюду понемногу между занятиями флейтой, ударами шпаги и чеканкой благородных металлов. Совсем без образования ювелиру нельзя. Нужны античные темы, античные мотивы. Особенно важно все это Челлини, ибо он в ювелирном деле работает *all antica*».

В мастерской Бенvenuto уже считали лучшим работником молодого цеха. Ему же хотелось и мир посмотреть, и себя показать, о чем он неоднократно говорил. В мастерской работал молодой человек, резчик по дереву по прозвищу Тассо. Как-то за разговором Тассо сказал Бенvenuto: мол, надумаешь поехать в Рим, я составлю тебе компанию. А тут все совпало разом. Бенvenuto в очередной раз поссорился с отцом «из-за проклятой флейты», а Тассо поругался с матерью. После обеда они шли по улице и жаловались друг другу на непонимание и ограниченность родителей.

– Пора закрывать эту лавочку и уезжать в Рим, – твердил Тассо.

– Ты мастер на слова, а не на дела, – возражал Бенvenuto.

– Да нет же! Будь у меня деньги...

– У меня мало денег, но на двоих хватит.

Так, беседуя, они достигли ворот Сан-Пьеро Гаттолини, дорога от них вела в Рим. Не поворачивать же назад? «И вот мы привязали фартуки за спиной и почти втихомолку дошли до Сиены». Здесь Тассо одумался и заскулил: он не может дальше идти, он устал, натер ноги, а потому просит у Бенvenuto ссудить ему денег на обратную дорогу. Но он не понял, с кем имел дело.

– Ну уж нет, – сказал Бенvenuto, – дай я тебе денег, мне самому не хватит, чтобы добраться до Рима. Лучше достанем лошадь, она нас и довезет.

Бенvenuto не пишет, как он «достал лошадь» – купил, украл или взял напрокат, но оба приятеля благополучно достигли великого города. «Было мне тогда ровно девятнадцать лет, так же как столетию». В Риме Бенvenuto сразу поступил к мастеру Фиренцуоле, который «был искуснейший человек по выделке утвари и крупных вещей». Джаванбатиста по прозвищу Тассо не задержался долго в Риме, он вернулся в родной город (со временем он стал известным архитектором), а Бенvenuto остался, он успешно трудился и хорошо зарабатывал.

Теперь о заработках. Моя соседка по квартире с ехидцей говорит о писателях: «Они люди искусства, их интересуют только деньги». Конечно, я с этим не соглашусь, думаю, и вы меня поддержите, но в ее словах есть доля правды. Все, кто пишет романы и сочиняет музыку, рисует и лепит, то есть делает штучную работу, всегда чувствуют себя обделенными: им, таким талантливым и уникальным, недоплатили. Бенvenuto тоже вряд ли стал бы спорить с моей соседкой. Честности ради скажем, что искусство он любил больше, чем деньги, но какую бы работу ни делал, она, с его точки зрения, всегда была шедевром. Он был уверен, что ему заплатили гораздо меньше, чем она того заслуживает. Что правда!

В Риме Бенвенуто, как обычно, часто переходил из одной мастерской в другую, чем нарушал цеховые правила. Хозяевам, он их называет учителями, это не нравилось, отсюда ругань, склоки и драки, а иногда бряцание оружием. Бенвенуто со вкусом описывает склоку между Фиренцуолой и ювелиром Паголо Арсаго, к которому он ушел. Ругань перекинулась на ученика, и тогда Бенвенуто сказал:

– Я родился свободным и таким же свободным хочу быть. Я вольный работник и могу идти, куда мне нравится. А ты, – он обратился к прежнему хозяину, – не расплатился со мной полностью и должен мне еще несколько скудо.

Что тут началось! Учитель и ученик схватились за шпаги, но их помирили. Бенвенуто был потом крестным отцом у сына Фиренцуолы.

Уступая мольбам отца, Бенвенуто через два года вернулся во Флоренцию, и здесь повторилась та же история, но уже с грустным концом. Бенвенуто приступил к работе, заказов было много, хозяева мастерских были разные, некоторые, как первый учитель Марконе, честные и порядочные люди, но были и такие, которые, как считал Бенвенуто, обманывали его и наживались. Флоренция был городом небольшим, обидные слова Бенвенуто достигли ушей некоего Микеле Гуасконте, и тот заявил, что молодой Челлини позорит репутацию его мастерской и это ему даром не пройдет. «Я же, не зная, какого цвета бывает страх, ни во что или мало во что их ставил».

Как-то днем на рынке между Бенвенуто и одним из семьи Гуасконте – молодым Герардо – началась словесная перепалка, которая быстро обернулась руганью. Мимо проезжал выюк с кирпичами, его вез осел. Не долго думая, обозленный Герардо ловко обрушил на Бенвенуто выюк кирпичей. Больно, обидно, оскорбительно! Бенвенуто отряхнулся и так хватил обидчика в висок, что тот «упал, как мертвый». Все это происходило рядом с лавкой Гуасконте, семья прикинула к окнам. Бенвенуто выхватил нож:

– Если кто-то высунется из лавки, другой пусть бежит за духовником. Врачу здесь нечего будет делать!

Молодой Герардо пришел в себя, а семья Гуасконте обратилась в Совет восьми: «Бенвенуто среди бела дня напал на нашего родича с ножом!» Напасть ночью – куда не шло, но днем – вещь во Флоренции небывалая! Бенвенуто вызвали в суд. Вначале его обругали за то, что он одет не по форме. Сарри (плащ) имели право носить только военные. Потом судьи устроили ему форменный нагоняй. Особенно усердствовали «обмотанные в куколи» – остроконечные капюшоны. Это были приверженцы казненного Савонаролы, люди сурового нрава. Бенвенуто настолько был уверен в своей правоте, что держался гордо и заносчиво. Он только пытался объяснить, что Герардо нанес ему «великую обиду и оскорбление», за что он и дал ему пощечину. За Бенвенуто заступился делла Стуфа, сторонник дома Медичи, известный в городе человек:

– Ты дал Герардо не пощечину, а удар кулаком.

Во Флоренции удар кулаком считался меньшим проступком, чем пощечина. На Новом рынке за пощечину полагалось пени (штраф) в 25 скудо, а удар кулаком вообще можно было замять. Но Бенвенуто стоял на своем: он дал пощечину – и точка! В зале уже начали смеяться.

Когда судьи остались одни, делла Стуфа дал Бенвенуто характеристику: хороший юноша, отличный работник, содержит семью отца. Наказание ему назначили самое малое: он должен был пожертвовать четыре меры муки в монастырь Заточниц. Осталось только обоим драчунам представить поручителей. Здесь Бенвенуто узнал, что его обидчику вообще не назначили никакого штрафа. Кроме того, поручитель, родственник отца, хирург, вообще отказался идти в суд. Бенвенуто вспомнил, сколько добрых дел сделал его отец этому самому хирургу. «Рассердившись на такое дело, распаляясь, я стал как аспид и принял отчаянное решение. Здесь познается, как звезды не только направляют нас, но и принуждают». Совет ушел обедать, а Бенвенуто, как он пишет о себе, «будучи по природе немного вспыльчивым», вышел из дворца

и направился к себе в мастерскую. Там он взял «кинжальчик» и пошел в дом Гуасконте вершить правосудие.

Семья обедала. Герардо тут же бросился на Бенвенуто и получил удар в грудь. Видно, удар пришелся по касательной, кинжал проткнул камзол, колет, рубаху, но каким-то неведомым образом не задел тела. Однако Герардо упал, и Бенвенуто был уверен, что убил его. Главная драка состоялась уже на улице. Наш герой размахивал кинжалом, а его били лопатами, палками, молотками и железными трубами. «И так как Господь иной раз милосердно вступается, то он сделал так, что ни они мне, ни я им не причинили ни малейшего вреда».

Оперетка, да и только, но мы пока не знаем ее конца. Учинив разгром в доме своего противника, Бенвенуто прибежал в церковь Санта-Мария Новелла. Там он встретился с монахом Алессо Строцци, который служил в этом храме. Алессо укрыл Бенвенуто в своей келье. Между тем Совет восьми уже был в полном сборе и вынес свой приговор: каждый, кто приютит Бенвенуто Челлини, будет сурово наказан. Самого Бенвенуто ждала тюрьма. Джованни, несчастный отец, на коленях стоял перед советом, умоляя о помиловании. Но друзья уже позаботились о Бенвенуто. Отец сам принес ему деньги, кольчугу и шпагу, брат Алессо одел его монахом, в условленном месте ждали лошади. Назад, в Рим!

Когда Бенвенуто со спутником проезжал через Палью, им встретился гонец, который вез во Флоренцию важное известие. Папа Лев X скончался, новым понтификом выбран его брат под именем Климент VII. Шел 1521 год.

Медичи на папском престоле

Папа Лев X

Джованни Медичи стал папой в 1512 году в возрасте тридцати восьми лет. Была надежда, что он положит конец бесконечным войнам не только внутренним, но и внешним. В Европе шел раздел собственности. Возвысился австрийский дом Габсбургов. Его объединение с испанским двором грозило нарушением равновесия сил в Европе. Папство переживало за свою автономию, поэтому ждало от Льва X активных действий. Он и работал, наладил отношения с Франциском I – с христианнейшим королем Франции, пытался реформировать церковь, утвердил официально появление банков, он назвал их «благочестивыми», а также подтвердил тезис о наивысшей папской власти.

Лев X старался сохранить власть католического Рима, но именно при нем в 1517 году виттенбергский священник Мартин Лютер вывесил на двери своей церкви 95 тезисов против индульгенций. Это положило начало Реформации в Германии, а потом во всей Европе. Папа Лев X жил широко. Балы, музыка, танцы, театр, охота, заказы на произведения искусства, при дворе папы блистал Рафаэль, паслась целая армия поэтов и философов. Блистательный двор Льва X посетил Эразм Роттердамский, побывал там и сам Лютер, то есть видел излишества, расточительство и безнравственность собственными глазами.

Роскошь требует больших денег. Лев X растратил все то, что оставил ему предшественник – папа Юлий II, а потому вынужден был увеличить печатание индульгенций. Возможность спасти душу в обмен на деньги приняла слишком большие размеры. Папский двор и до Льва X вел себя в высшей степени предосудительно – пьянство, разврат, а тут, когда индульгенциями стали торговать, как луком или редиской, чаша и переполнилась.

Лев X не увидел опасности в выступлении Лютера, он решил, что с реформаторами можно договориться. Он и читать тезисы Лютера не стал. Мало ли было противцерковных бунтов. На переговоры с Лютером был послан кардинал Фома де Вио. Переговоры не дали ожидаемых результатов. Два года спустя была торжественно оглашена папская булла, осуждающая Лютера, его признали еретиком и отлучили от церкви. Все его сочинения было велено сжечь.

Реформация церкви – такое значительное событие, а Бенвенуто и словом о нем не обмолвился. Но его не интересовали все эти энциклопедические глупости, он писал только о том, что сам видел, а как там немцы с ума сходят, это их дело.

Покончив, как считал папа, с Лютером, папа вернулся к привычному образу жизни. Никому в Риме и в голову не приходило, что в католической церкви наступил раскол. Лев X скончался неожиданно, он даже не успел собороваться. Ему было сорок шесть лет. Папский престол перешел к его двоюродному брату Джулиано Медичи.

Я повторяюсь, но так удобнее читать. Лучше повтор, чем листать книгу назад и искать плохо узнаваемое имя. Кроме того, за недостатком гимназического образования мы так плохо и мало знаем культуру Возрождения, что можно и несколько раз прочитать одно и то же.

Папа Климент VII

Джулиано был незаконнорожденным сыном убитого брата Лоренцо Великолепного, тот усыновил племянника. История упоминает, что папой Климент стал благодаря подкупу, впрочем, это было вполне в обычаях того времени. При Клименте VII произошло три значительных события. Первое – он, как и его брат Лев X, поддерживал в европейских распрях короля

Франциска I, из-за чего произошло ужасное событие – имперские войска в 1527 году заняли и разорили Рим. Все это подробно описано Бенвенуто Челлини.

Второе значимое для истории событие – Климент VII отдал замуж свою племянницу Екатерину Медичи за сына Франциска I – Генриха II. Генрих погиб на турнире, после чего Екатерина Медичи – королева-мать – играла очень серьезную роль при французском дворе при всех своих сыновьях, поочередно занимавших трон. Она интриговала, травила, колдовала, ее личным медиком был Нострадамус. Все история Французского дома в XVI веке великолепно описана Александром Дюма.

Третье событие – именно Климент VII спровоцировал отделение Англии от папства и создание Англиканской церкви. Генрих VIII Английский хотел развестись со своей женой Екатериной Арагонской. Формально причиной развода было отсутствие наследника. Конечно, слабохарактерный Климент VII согласился бы на развод, но император Карл V был категорически против. Дело тянулось долго, Генрих VIII устал ждать, развелся, а для того, чтобы его обвенчали по всем правилам, откололся от католического Рима.

Часть II. Католицизм и папство

При жизни Бенвенуто Челлини сменилось двенадцать пап. Это понятно, они принимали сан в преклонном возрасте, но умирали не только от старости. Папа Александр VI умер в августе 1503 года. А.К. Дживелегов: «Шесть носильщиков и шесть плотников втащили в капеллу (собора Св. Петра) гроб, в котором лежало в пышных украшениях огромное, раздувшееся, страшное на вид тело с черным лицом и широко раскрывшимся ртом. Несшие шутили и дурачились, и так как распухшее тело упорно вылезало из тесного гроба, труп бесцеремонно впикивали туда ударами кулаков, срывая с него украшения. То были останки папы Александра VI, умершего накануне».

Страшная картина! Дело в том, что папа был отравлен, вернее сказать, отравился по недомыслию ядом, который сам приготовил для другого человека. Накануне Александр VI вместе с сыном Чезаре Борджиа напросился в гости к кардиналу Адриану да Корнето. Еду и выпивку, как было принято, принесли с собой. Как отравленное вино попало в рот папе и его сыну, а сам хозяин избежал отравления – неизвестно. Очевидно, кардинал угадал замысел своих гостей. Страшные деяния Александра VI послужили сюжетом для многих драматургов, романистов, сценаристов, более того, о них стали сочинять анекдоты. К.Г. Шахназаров снял на «Мосфильме» фильм «Яды, или Всемирная история отравлений». Очень смешная и поучительная история, в роли папы Александра выступил несравненный О. Басилашвили. Через пятьсот лет это действительно смешно, а рядом с неостывшими трупами жутковато, прямо скажем.

После смерти Александра VI конклав кардиналов выбрал нового папу, больного Пия III, через двадцать шесть дней правления он умер. Вот список следующих понтификов с указанием года смерти: Юлия II (в миру Джулиано делла Ревере – 1513), Лев X (1521), Адриан VI (1522), Климент VII (1534), Павел III (1549), Юлий III (1555), Марцелл (1555), Павел IV (1559), Пий IV (1565), Пий V – аскет и ревностный реформатор (1572).

Дальше школьная информация под названием «знал, но забыл». Монархическое правление во главе с папой («отцом») появилось в V веке, когда римские епископы добились подчинения прочего епископата. Папство римского архиепископа опиралось на культурное и политическое значение Рима – «вечного города, столицы мира». В VIII веке появилась Папская область со столицей Римом, папы получили светскую власть.

Были среди пап и яркие личности, им приходилось долго и настойчиво внедрять в сознание людей идею о превосходстве духовной власти над светской. Отношения Восточной и Западной христианских церквей было, мягко говоря, сложным.

После смерти папы Иоанна VIII наступило политическое и нравственное падение папства, продолжавшееся в течение двух веков. Французский историк культуры Эмиль Жебар пишет: «История пап с IX по XIII века напоминает все безумства Калигулы, всю жестокость Нерона... В X веке тускуланские графы отдают святой престол в руки куртизанок и разбойников. Семнадцатилетний Иоанн XII помещает в Латеране свой герм и рукополагает диакона в конюшне. Бонифаций VIII, свергнутый с папского престола через сорок два дня после своего избрания, убегает в Константинополь, унося с собой церковную казну». Был папой и двенадцатилетний ребенок, и женщина занимала папский престол, но это полбеды, зверства тогда были страшные. Но времена менялись, церковь богатели, постепенно забирая власть в свои руки. Возрождение папства началось с Климента II. Была отменена симония (покупка церковных должностей), nepотизм (раздача чинов родственникам), запрещены браки среди белого духовенства и т. д.

Зачем я об этом пишу, какое отношение имеет Бенвенуто Челлини к событиям многовековой давности? Но папы были заказчиками ювелира, он с ними тесно общался. Все папы, с

которыми он имел дело, исповедовали гуманизм, но что касается нравственности, духовного осмысления заповедей Христа, своего долга перед паствой, можно сказать, они недалеко ушли от своих предшественников. Папы возглавляли Папскую область, и светской власти они уделяли куда больше внимания, чем церковной.

За чистотой веры наблюдала святая инквизиция (дословно – расследование), по сути, это был трибунал, цель которого – розыск, суд и наказание еретиков. Фактически этот суд появился в I веке, только иначе назывался. Суд был отдан в руки епископов. Время для христианства было трудное, шла борьба с «ложными пастырями», оформлялась доктрина христианства, надо было отделить черное от белого. Тогда же появилось понятие «ортодоксия» – верная точка зрения на религию и, соответственно, неверная – ересь (ересь – «выбор»).

Со временем власть суда-инквизиции усилилась, наказания ужесточились, и каждый раз основанием тому служили вполне реальные причины. Различают три периода инквизиции. Первый – до XIII века. «Человек может найти спасение только в вере: отсюда долг христианина и особенно служителя церкви обращать верующих на путь спасения». А как? Проповедью, увещанием, а если и это не действует – отлучением от церкви. Позднее еретиков, дабы не было соблазна для других, подвергали тюремному заключению, до сожжения на костре было еще далеко.

Но чем сильнее становилась церковная власть, тем строже были наказания. Вторым периодом инквизиции считают время после Тулузского собора 1229 года, когда появилась серьезная угроза папской власти – альбигойцы, катары и пр. Новой духовной власти предписывается действовать независимо от епископов, и она развернулась в полную мощь. С еретиками боролись беспощадно. Если в IV веке еретиков приговаривали к конфискации имущества, то с 1229 года, помимо этого, уже наказывали смертью – сожжением на костре. В 1252 году папа Иннокентий IV разрешил пытки при допросе еретиков.

Третий периодом инквизиции называют испанскую, особенно лютую. Появилась она с полного согласия Рима. Папа Сикст IV в 1483 году направил в Испанию доминиканского монаха Томаса Торквемаду, он стал духовником королевы Изабеллы, а позднее возглавил испанскую инквизицию. После объединения Арагона и Кастилии католической церкви было чем заняться, надо было очистить страну от арабов, а заодно и от евреев. Государству нужны были деньги, конфискация имущества осужденных в ереси – самый простой путь обогащения.

Конец XV века – это смутное время, тогда в Европе ждали конца света, судя по Библии, истек срок жизни человеков. Каждому истинному христианину известно, что зачал Бог мир и творил его семь дней, а затем дал тому миру жизни по тысяче лет на каждый год создания. Значит, через семь тысяч лет должен наступить тому миру конец. Дата эта как раз приходилась на 1491—1492 годы и возбуждала во всем христианском мире величайшее волнение. Филипп Монотроп Пустынник, византийский мудрец, еще пятьсот лет назад писал, что существование мира седмично, то есть дата конца мира должна делиться на семь, потому на Руси были столь уверены в конце света, что митрополит Геронтий отказался даже составлять Пасхалии – таблицу праздников Пасхи – на последующее тысячелетие. Что стараться, если завтра все перед Богом предстанем?

По версии католического мира Бог всемогущий назначил миру жить семь тысяч лет и еще восемь лет. Цифра «восемь» была взята не с потолка. Бог, творя мир, так определил мироздание: «Будете добродетельны – прибавлю вам, а будете злы – отниму». По католическому календарю выходило, что Господь уже признал мир добродетельным, потому что в противном случае тьма наступила бы уже два года назад. Савонарола был с этим не согласен, сумел внушить свои опасения флорентийцам, так что этим частично можно объяснить успех его проповедей. А через четыре года этот же народ привел Савонаролу на виселицу.

Был еще еврейский «Шестокрыл» – таблица лунных фаз и затмений. Согласно этим лунным таблицам выходило, что до конца света людям еще жить и жить. Иудейский счет велся

по еврейской Библии, то есть по оригиналу, а не по александрийскому переводу. По «Шестокрылу» получалось, что от создания мира прошло только 6250 лет. Следовательно, человечеству предстоит еще целых 750 лет ждать второго пришествия.

Конец света не наступил, но через пятнадцать лет после назначенной даты возникла страшная угроза в католическом мире – протестантизм, или Реформация. Одним из серьезных обвинений папства была система индульгенций.

Индульгенция – первоначально это милость, разрешение от наложенной церковью епитимии за несправедные дела. Согрешившего исключали из общины, за этим следовало долгое, годовое публичное раскаяние. Еще в IV веке епископы получили право сокращать этот срок, если отлученный подтверждает свое раскаяние различными добрыми делами. «Осталось сделать один шаг, чтобы признать добрые дела удовлетворением за совершенный грех; это и случилось в Западной церкви под влиянием германских правовых понятий» – так пишет энциклопедия. Все началось, как ни странно, с древних германских законов. Эти законы допускали замену наказания денежной вирой, если пострадавшая сторона была этим удовлетворена.

Еще в IX веке купить за деньги «Божью благодать» казалось кощунственным, богохульством, но скоро жертвование денежных средств монастырям – ради отпущения грехов – стало обычным делом. Само официальное название «индульгенция» появилось при папе Александре II. Индульгенция понадобилась для поощрения крестовых походов, заявленных на Клермонском соборе. Полное или частичное отпущение грехов давалось участникам, их близким родственникам, живым и умершим, а также тем, кто помог денежно великой борьбе за освобождение Гроба Господня. Со временем индульгенции вошли в быт, ими торговали направо и налево. Появилась привычка легко относиться к прощению грехов.

Католическая церковь выработала новую философию: Христос, Божья Матерь, апостолы и святые «образовали неисчерпаемую сокровищницу добрых дел, которая предоставлена в распоряжение церкви для раздачи из нее благодати достойным». Климент VI в первой половине XIV столетия утвердил это решение, причем признал апостола Петра и его заместителей, римских епископов, «хранителями накопленного сокровища». Делай добрые дела, и будешь безгрешен, беда только, что покупка индульгенций входила в разряд «добрых дел». Можно было купить индульгенцию и для умершего, тем самым избавив его от чистилища.

Во время войн индульгенция, по сути, превращалась в налог. «Бесстыдство, с которым папа Лев X в 1514 и 1515 годах, под предлогом ведения войны с турками, на самом же деле для постройки храма Св. Петра в Риме и для покрытия издержек своего двора, отдал на откуп индульгенции и наложил контрибуцию почти на всю Европу, было одним из главных поводов к германской и швейцарской Реформации».

Папа Лев X не отнесся к Лютеру серьезно: подискутирует-де и успокоится. Клименту VII было не до борьбы с Реформацией, при нем сам Рим лежал в развалинах. Павел III был последним из пап, который мог позволить себе меценатствовать и закрывать глаза на все эти безобразия – раскол в церкви. Он был стар, постоянно обеспокоен обеспечением многочисленной родни – сыну дал герцогство, внуку кардинальскую шапку, племяннику аббатство, – тут не до церковных склок. Но у Павла III были рьяные помощники, которые хорошо понимали опасность протестантизма. В Италии наступило время реакции, вдохновителем которой стал кардинал Караффа. Помощники папы были молоды, активны, безжалостны и фанатично преданы церкви. Для борьбы с инакомыслием был создан новый орден иезуитов. Павел III долго противился созданию этого ордена, но в конце концов учредил его в 1540 году. В 1545 году Тридентский собор собрал трибунал для активной борьбы с Реформацией.

Основателем монашеского ордена иезуитов (1534 год) был Игнатий Лойола. Орден был создан для борьбы «против адских чудовищ и порождений сатаны», то есть для подавления Реформации, и наделен очень большими полномочиями. Одним из главных его обетов было безоговорочное подчинение папе. Во имя служения Богу и «высокой цели» иезуиты создали

свою теорию нравственности. «Цель оправдывает средства», то есть допустимы ложь, клятвopепреступления, убийства, любые виды разврата и т. д. Иезуиты были неподвластны ни светскому, ни церковному суду. Их мог судить только папа, недаром Юлий II очень расширил их привилегии.

Борьба с Реформацией набирала силу. В 1587 году с реформой папы Сикста V была учреждена Верховная Священная Конгрегация Римской и Вселенской инквизиции, которая просуществовала до 1908 года.

В своей «Жизни...» Бенвенуто Челлини ни разу не упоминает слова «инквизиция, индульгенция, иезуиты», и слава богу, его это не коснулось. Был ли он верующим человеком? Конечно, вопрос – насколько. Дживелегов пишет, что религиозность у Бенвенуто была скорее данью обычаю, чем истинной, глубокой верой, общается-де он с Всевышним только в самые трудные, критические минуты жизни. Здесь Бенвенуто не исключение, масса людей, считающих себя верующими, так и поступает, а Челлини как раз обращался к Богу и со словами благодарности. Вообще это вопрос сложный, тонкий, и не буду я на этом задерживаться, скажу только, что Дживелегов издал свое эссе о Бенвенуто в 1929 году, тогда все были атеистами или хотели ими казаться, и автору хотелось видеть веру своего героя поверхностной и чисто формальной.

Рим

Главным заказчиком и покровителем Бенвенуто в Риме стал папа Климента VII, но удивительно, что первую должность при его дворе ювелир получил в оркестре. Об этом рассказ впереди.

По приезде в Рим Бенвенуто устроился в мастерскую Санти, условия обычные: треть хозяину, две трети мастеру. Старый Санти умер, его место занял сын. Сам он не работал, только деньги собирал, а лучшим мастером и фактическим руководителем мастерской был молодой Лука Аньоло. Он «с большим изяществом» делал серебряные вазы, тазы и прочую дорогую утварь. Бенвенуто удалось получить заказ от епископа Саламанки, испанца, он стал делать для него подсвечники.

В Риме Бенвенуто продолжал учиться, ходил рисовать в Сикстинскую капеллу, расписанную Микеланджело, а также в дом богатого сиенца – банкира Агостино Киджи. Дом этот был истинный дворец, там были росписи самого Рафаэля, а также Содомы и Джулио Романо. Хозяин дома очень гордился своими фресками и привечал желающую учиться молодежь. В этом доме Бенвенуто и встретил прекрасную молодую даму – «мадонну Порцию». Дама была женой брата хозяина, который приехал в Рим погостить.

Порция увидела рисунки Бенвенуто, восхитилась ими и, узнав, что он ювелир, показала ему маленькую вещицу – алмазную лилию в старинной золотой оправе.

– Во сколько вы оцените эту вещь?

– Восемьсот скудо, – не задумываясь, ответил Бенвенуто.

– Цена названа точно. А не возьметесь вы для нее сделать новую оправу, сохранив при этом старую?

Он тут же согласился и быстро набросал рисунок новой оправы. Тут в комнату вошла вторая «прекрасная благородная римская дама».

– Что вы тут делаете, Порция?

– Любуюсь, как рисует этот достойный молодой человек, который и мил, и красив.

Бенвенуто покраснел от смущения.

– Каков бы я ни был, мадонна, я буду всегда готов служить вам.

Порция тоже слегка покраснела.

– Ты сам знаешь, что мне хочется, чтоб ты мне служил.

Она отдала лилию Бенвенуто и добавила к этому двадцать золотых скудо. Вторая благородная римская донна рассмеялась и сказала:

– Будь я на месте этого юноши, я бы ушла себе с Богом.

– О нет! – воскликнула Порция. – Талант редко уживается с пороком. До свидания, Бенвенуто.

Дома он сделал маленькую восковую модель будущей оправы, затем показал ее в доме Агостино Киджи. Обе дамы были в восторге и «учинили мне такую похвальбу, что, движимый чуточкой гордости, я им обещал, что самая вещь будет еще вдвое лучше, чем модель». Наш герой редко говорит о себе с подобной скромностью, «чуточка гордости» – словно не из его лексикона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.